

УДК 378.124:316.343.652
DOI: 10.26140/anip-2021-1001-0029

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА ПО УРОВНЮ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ

© Автор(ы) 2021
SPIN: 4612-0952
AuthorID: 670776
ORCID: 0000-0001-6785-800X

ЗУБАРЕВ Владимир Федорович, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры
оперативной хирургии и топографической анатомии

SPIN: 7833-8614
AuthorID: 767643
ORCID: 0000-0002-6761-562X

БОНДАРЕВ Геннадий Алексеевич, доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры
хирургических болезней факультета последипломного образования (ФПО)

Курский государственный медицинский университет

(305041, Россия, Курск, улица К. Маркса, 3, e-mail: gennadiy_bondarev@mail.ru)

Аннотация. Не подлежит сомнению, что уровень интеллигентности преподавателя высшей школы, его имидж и профессионализм формируют основу эффективности образовательного процесса. Между тем, реальная ситуация с этими базовыми критериями в современном вузовском образовательном пространстве на сегодняшний день остаётся одним из наименее популярных сюжетов психолого-педагогической публицистики несмотря на создание и весьма продуктивную деятельность кафедр, НИИ и даже Академий имиджологии, интеллигентоведения и стоящего, вероятно, в одном с ними ряду космореализма (!). Эффективность деятельности этих учреждений неизбежно когда-нибудь проверит беспощадное время, но уже сейчас, когда почти 63% вузовских преподавателей квалифицируют сложившуюся на сегодняшний день эволютивную тенденцию собственного сообщества как стагнацию и даже регресс, объективная социокультурная и индивидуально-личностная характеристика современного поколения преподавателей представляется особенно актуальной. Как показывает опыт, наиболее достоверным методом подобного рода психодиагностики является проведенная в условиях абсолютной анонимности персональная самооценка преподавателей. Целью настоящего исследования стала эмпирическая попытка определения уровня интеллигентности современного поколения преподавателей медицинского вуза с помощью самооценочных социокультурных и индивидуально-личностных критериев, основанных на традиционных представлениях об индивидуальных качествах и интеллектуальных запросах преподавателя высшей школы. В его основу легли результаты анонимного самооценочного анкетирования 355 преподавателей 13 факультетов Курского государственного медицинского университета (КГМУ). Персональный анализ анонимной анкеты позволил выделить три условных (высокий, средний и низкий) уровня интеллигентности, обусловленных двумя взаимосвязанными аспектами – содержательным и формализованным (балльным). Полученные в цифровом выражении результаты производят совершенно удручающее впечатление. Высокий уровень интеллигентности, соответствующий традиционным классическим её критериям, составил 19,1%, средний – 39,7% и низкий – 41,2% с явным, более, чем в два раза преобладанием лиц с высоким уровнем интеллигентности в группе преподавателей клинических дисциплин на старших курсах. Полученные результаты анкетирования и сделанные на их основе обобщения недвусмысленно обозначают реально существующую социальную кадровую проблему в сфере университетского образования, оказывающую существенное отрицательное влияние на качество профессиональной подготовки будущих дипломированных специалистов.

Ключевые слова: качество высшего образования, анонимное самооценочное анкетирование преподавателей, типология уровня интеллигентности современного поколения преподавателей университета.

EMPIRICAL TYPOLOGY OF TEACHERS OF THE MODERN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION ACCORDING TO THE LEVEL OF INTELLIGENTNESS

© The Author(s) 2021

ZUBAREV Vladimir Fyodorovich, Candidate of Medical Sciences, Associate professor, Associate professor
at the Department of Operative Surgery and Topographic Anatomy

BONDAREV Gennadiy Alekseyevich, Doctor of Medical Sciences, Associate professor, Professor
at the Department of Surgical Diseases (FPE)

Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, K. Marx St., 3, e-mail: gennadiy_bondarev@mail.ru)

Abstract. There is no doubt that the level of intelligentness of a higher school teacher, his image and professionalism form the basis of the effectiveness of the educational process. Meanwhile, the real situation with these basic criteria in the modern university educational space today remains one of the least popular plots of psychological and pedagogical nonfiction despite the creation and very productive activities of departments, research institutes and even the Academies of imageology, intelligentness science and standing, probably, in the same row with them cosmorealism (!). The effectiveness of these institutions activities will be sometime inevitably checked by the merciless time, but already now, when almost 63% of university teachers qualify the evolving tendency of their own community today as stagnation and even regress, the objective socio-cultural and individual-personal characteristics of the modern generation of teachers seem especially relevant. As shown by experience, the most reliable method of this kind of psychodiagnostics is the personal self-assessment of teachers conducted in the conditions of absolute anonymity. The purpose of the present study was an empirical attempt to determine the level of intelligentness of the modern generation of medical higher school teachers using self-assessing sociocultural and individual-personal criteria based on the traditional ideas of individual qualities and intellectual needs of a higher school teacher. It was based on the results of an anonymous self-assessment questionnaire survey of 355 teachers from 13 faculties of the Kursk State Medical University (KSMU). Personal analysis of an anonymous questionnaire made it possible to identify three suppositive (high, medium and low) levels of intelligentness, according to two interrelated aspects – the content and the formalized (point scoring) ones. The results obtained in numerical terms produce a completely depressing impression. A high level of intelligence, corresponding to its traditional classical criteria, was 19.1%, medium - 39.7% and low - 41.2% with a clear, more than double prevalence of individuals with a high level of intelligentness in the group of teachers of clinical disciplines in senior courses. The results of the survey and generalizations made on their basis unequivocally indicate a

really existing social problem with the staff in the field of university education, which has a significant negative impact on the quality of professional training of future graduates.

Keywords: quality of higher education, anonymous self-assessment survey of teachers, typology of the level of intelligence of the modern generation of university teachers.

*«Русская интеллигенция - душа России»
Алан Поллард [1]*

ВВЕДЕНИЕ

Тот факт, что научно-преподавательский состав высших учебных заведений во все времена являлся интеллектуальной элитой общества, ни у кого не вызывает сомнений. Не подвергается сомнению и историческая неизбежность эволюции любого социального формирования, но на крайне важный вопрос, в каком направлении эволюционирует современное научно-преподавательское сообщество (НПС) высшей школы, психолого-педагогическая наука пока глубокомысленно отмаливается. Вероятно, на нашей мыслительной деятельности в этом направлении сказывается атактистическая доминанта – всё, что делает для высшего образования наше заботливое Минобрнауки, ему (образованию) – во благо.

Нельзя сказать, что эта тема вообще никого не интересует. Периодическая печать изобилует статьями, посвящёнными имиджу преподавателя в аспекте его желаемого «идеального портрета» [2, 3]. Приводятся разнообразные типологии современных специалистов в области высшего образования, но термин «интеллигентность» в традиционном, российском понимании этого слова в них практически не упоминается. Красноречивой иллюстрацией этому является, например, статья К.Л. Полупан [4], в которой в числе 9 заимствованных у К. Роджерса качеств преподавателя высшей школы слово «интеллигентность» отсутствует. В данном случае этому можно найти объяснение – господин К. Роджерс с этим традиционно русским словом мог быть просто не знаком. Но оно, увы, отсутствует и в типологии, разработанной коллективом авторов «Сколково» [5], ориентированной, по определению А.С. Гаязова [6], на подготовку «эффективных менеджеров» и «инновационных технократов». Интеллигентности как значимому социально-личностному критерию и там места не нашлось. Создаётся впечатление, что мы стали стесняться этого, по выражению О.В. Крыштановской, «сугубо российского понятия» [7].

Между тем, слова, а, соответственно, и понятия «интеллигентность» и «интеллигенция» имеют свою давнюю и достаточно любопытную историю, в том числе, и в современном преломлении. Они имеют общий корень, но далеко не тождественны по смыслу. «Интеллигенция» – социальный слой людей профессионального умственного труда высокой квалификации, требующего специального образования, высокой культуры, и выполняющего наиболее сложные общественные функции. Интеллигентность – совокупность наиболее существенных характеристик этого слоя» [8, с. 95]. По мнению одних [7, 9], интеллигенция – понятие действительно сугубо российское. По мнению других [10], термин «интеллигенция» многократно употреблялся К. Марксом и Ф. Энгельсом ещё в 1842 г. в ряде статей, известных под общим названием «О сословных комиссиях в Пруссии», правда, не в том социальном контексте, в котором он вошёл в обиход в России во второй половине XIX века. В наше время сам термин «интеллигенция» приобрёл характер привлекательного коммерческого брэнда и породил целую галерею неологизмов (интеллигентоведение, интеллигентизация и т. п.). Термин, естественно, институционализировался пока в виде Центра «XX век в судьбах интеллигенции России», действующего с 1994 года на базе Уральского университета в Екатеринбурге, и НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете, разработавшем программу предмета «интеллигентоведение» со сдачей по этому предмету государственного экзамена. Инициатором создания НИИ интеллигентоведения ИвГУ является проф. В.С. Мемедов, а главной

движущей силой – проф. В.П. Раков, между прочим, ещё и член Научного Совета Академии космореализма (!). Итог вполне закономерен – конкретный, весьма обыденный для русского уха термин трансформировался в нечто схоластическое, приносящее если не материальное, то вполне весомое моральное удовлетворение его авторам в виде массы соответствующей научной продукции, а там, как водится в наше предприимчивое время, рукой подать и до «Академии интеллигентоведения» с неизбежной плеядой академиков и членов-корреспондентов интеллигентоведческих наук. Заметим при этом, что сам вопрос об «интеллигентности интеллигентов» действительно «носит императивный характер» в связи с ответственными кардинальными социально-экономическими катаклизмами последних десятилетий [8].

Итак, подведём краткий предварительный итог. Несомненно, что уровень интеллигентности преподавателя, его имидж и профессионализм формируют основу качества образовательного процесса в высшей школе. Да, мы действительно хотим максимально выигрышно выглядеть в собственных глазах, в глазах своих подопечных студентов, коллег и окружающего нас сообщества. Вопрос в том, чем мы для этого располагаем? В какой мере означенная выше «совокупность наиболее существенных характеристик» интеллигенции как социального слоя свойственна претендующему на этот статус современному университетскому научно-педагогическому сообществу?

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ – эмпирическая попытка определения уровня интеллигентности современного поколения преподавателей медицинского вуза с помощью самооценочных социокультурных и индивидуально-личностных критериев.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Настоящее сообщение, основанное на анонимном анкетировании, представляет собой итог самооценки 173 преподавателей теоретических кафедр (младшие курсы) и 182 преподавателей клинических кафедр (старшие курсы), осуществляющих образовательную деятельность на 13 факультетах Курского государственного медицинского университета (КГМУ). Общее число опрошенных составило 355 человек. При проведении исследования мы не ставили целью изучение человеческого, в данном случае преподавательского *интеллекта* как такового. Именно поэтому мы не использовали ни одну из общеизвестных зарубежных методик интеллектуального тестирования (Г. Айзенка, Р. Амтхауэра, Дж. Равена, Ч. Спирмана и др.), воспользовавшись собственной простой и анонимной анкетой, содержащей 15, порой достаточно деликатных вопросов с предусмотренными готовыми вариантами ответов, позволяющих составить вполне определённое мнение о личности каждого преподавателя и уровне интеллигентности современного вузовского НПС в целом.

Представленные в анкете вопросы можно условно разделить на 3 самостоятельных блока по 5 вопросов:

- 1) личное отношение преподавателя к своей профессии и её престижности;
- 2) социокультурный блок;
- 3) индивидуально-личностный блок.

Уровень интеллигентности рассчитывался в баллах, исходя из максимальной возможности, равной 53-м баллам, соответствующим суммарному количеству предусмотренных в анкете вариантов ответа на все заданные вопросы. Балльная валидность каждого варианта ответа определялась его иерархическим положением в предложенном образце по убывающему принципу и могла варьировать от 6 до 0.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖД-

ДЕНИЕ

Обсуждая проблему уровня интеллигентности современной интеллигенции, следует признать, что озабоченность выше упомянутых энтузиастов «интеллигентизации» современного общества не является совсем уж беспочвенной, хотя, как часто случается в нашем Отечестве, порой она приобретает карикатурные формы. Подтверждением важности этой проблемы являються многочисленные высказывания современных авторов, касающиеся эволюции российской интеллигенции. В качестве примера можно привести мнение Р.В. Рывкиной: «Социальный слой «интеллигенция» ушёл в прошлое» (название параграфа в книге «Драма перемен») [11]. Не менее категоричен Б.С. Орлов: «Можно согласиться с А.И. Солженицыным, что слово «интеллигенция», давно извращённое и расплывшееся, лучше признать пока умершим» [9, с. 57]. Надо полагать, что эти высказывания авторы в полной мере относят и к уровню интеллигентности современного вузовского преподавательского корпуса. Уместно заметить, что полученные нами в процессе анкетирования результаты ответов преподавателей КГМУ на вопросы первого блока анкеты показали, что 62,8% респондентов квалифицируют сложившуюся на сегодняшний день эволютивную тенденцию собственного сообщества как стагнацию (28,4%) и даже регресс (34,4%), имея при этом в виду отнюдь не профессиональную, а морально-психологическую деградацию.

Не более утешительными выглядят результаты ответов на вопросы второго, социокультурного блока анонимной анкеты. В рубрике о предпочтениях в проведении досуга 39,8% преподавателей назвали чтение художественной литературы, но при этом 8,7% заявили, что не имеют литературных предпочтений, т. е., фактически, или читают то, что подвернётся под руку, или не читают художественную литературу вообще. Не менее удручающе выглядит показатель отсутствия предпочтений в музыкальных жанрах. 13,8% преподавателей, судя по их ответам, музыка совершенно не интересует. Не лучше обстоят дела с посещением театра и концертных залов. На первый взгляд, суммарный показатель посещаемости этих учреждений культуры выглядит вполне благополучно – 54,4%. Но, если принять во внимание нынешнее катастрофическое положение с посещаемостью периферических драматических театров, можно с уверенностью предположить, что ситуацию спасают бесчисленные гастролы звёзд шоу-бизнеса с репертуаром соответствующего интеллектуального уровня. 45,6% респондентов откровенно признались в отсутствии интереса к этому виду досуга, при том, что уровень молодых преподавателей в категории «воздерживающихся» превышает 50%. Отношение преподавателей медицинского вуза к изобразительному искусству выглядит следующим образом: 18,9% респондентов проявляют живой интерес преимущественно к отечественной живописи и с пониманием относятся к абстракционизму и сюрреализму, 72,7% знакомы с изобразительным искусством «на общедоступном уровне», а 8,4% к живописи «вообще равнодушны», свидетельствуя о том, что эта разновидность общечеловеческой культуры, фактически, является им чуждой.

Существенным дополнением к фигуральному «порtretу» современного преподавателя медицинского, а, скорее всего, и многих других университетов, стали результаты ответов на 5 вопросов третьего, индивидуально-личностного блока анонимной анкеты. Ещё в социокультурном блоке, отвечая на вопрос о предпочтениях в проведении досуга, 11,3% респондентов назвали телевизионные передачи. Памятуя о том, что каждый телевизионный канал имеет свой содержательный имидж, мы поинтересовались «телепристрастиями» своих респондентов. Результаты опроса выглядят следующим образом: «1» - 34,2%, «Россия-1» - 25,7%, «Культура» - 21,3%, «НТВ» - 10,0%, «СТС» - 8,8%. Другие каналы («Спас», «REN TV») представлены единичными цифра-

ми. 19 чел. из 355 (5,4%) заявили, что они не смотрят телевизор из принципиальных соображений. Эти сведения, в числе прочих, оказались чрезвычайно полезными в процессе индивидуального анализа анонимных анкет при разработке эмпирической типологии современного поколения преподавателей вуза по уровню интеллигентности. Зная высокую степень предрасположенности наших соотечественников к оккультным наукам, мы поинтересовались их персональным отношением к ежедневному утреннему *астрологическому прогнозу* на главном российском телевизионном канале «1». К чести наших соотечественников, лишь 7,3% из них смотрят его «с интересом», 11,3% - с возмущением, а 81,4% относятся к нему «равнодушно» или не смотрят вообще.

Отдавая себе отчёт в интеллектуальном своеобразии преподавательской среды как социальной группы, мы сочли возможным тактично поинтересоваться особыми увлечениями, «хобби» высокообразованных людей. Оказалось, что чуть больше половины (51,3%) имеют более 40 разновидностей увлечений, систематизировать которые не представляется возможным. Они варьируют от совершенно заурядных (садоводство, цветоводство, рукоделие) до таких экзотических, как мозаика, лучный спорт и даже китайская гимнастика «тайджи». 48,7% респондентов особых увлечений не имеют.

Одной из важнейших характеристик современного интеллигентного человека является владение иностранными языками. На вопрос «Владеете ли Вы иностранным языком?», 62 чел. из 355 (17,5%) ответили «свободно», 233 (65,6%) владеют иностранным языком «в пределах профессиональной преподавательской и научной необходимости», а 60 чел. (16,9%) признались, что иностранными языками не владеют. В качестве комментария к приведенным результатам следует заметить, что цифра 62 «свободно владеющих» иностранным языком, очевидно, является сильным субъективным преувеличением. В их число можно с уверенностью включить 18 принявших участие в анкетировании сотрудников кафедр иностранных языков, получивших профессиональное языковое образование, и, буквально, считанное число преподавателей клинических кафедр, проработавших какое-то время за рубежом в повседневной профессиональной и бытовой языковой среде. Жизнь показывает, что многочисленный контингент преподавателей, работающих в университете с иностранными студентами в большинстве своём в реальности владеет языком «в пределах профессиональной необходимости», т. е. на довольно посредственном уровне.

Несмотря на известные исторические факты о том, что многие великие медики (Н.И. Пирогов, И.П. Павлов, В.Ф. Войно-Ясенецкий и др.) были глубоко верующими людьми, врачебная каста во всём мире всегда оставалась наиболее резистентной к вере уже в силу своей профессии. Никто из медиков самых разных специальностей не обнаружил в человеческом теле даже малейших физических признаков души, отчётливо понимая, что всё в человеке, включая мыслительную деятельность, имеет материальное воплощение. Учитывая гигантские масштабы распространения религиозной веры среди всех слоёв российского населения в последние десятилетия, мы рискнули задать деликатный вопрос преподавателям медицинского вуза об их отношении к вере в Бога. 45,4% респондентов признались в своей убеждённой религиозности, 32,9% до сих пор сомневаются в глубине своей веры (скорее «да», чем «нет»), т. е., фактически, задержались на уровне суеверия, и лишь 6,8% позиционируют себя убеждёнными атеистами без разницы по возрастным группам. 14,9% преподавателей малодушно закамouflировали ответ предусмотренной в анкете формулировкой «вопрос не корректен», впрочем, имея на это полное право.

Располагая обширным самооценочным, т. е. фактическим оригинальным материалом, мы предприняли попытку разработать эмпирическую типологию совре-

менного поколения преподавателей по уровню интеллигентности в рамках медицинского университета. В основу типологии легли все проанализированные выше базовые социокультурные и индивидуально - личностные критерии, имеющие различную балльную значимость. Персональный анализ каждой анонимной анкеты позволил нам выделить три (высокий, средний и низкий) в принципе условных, но достаточно показательных уровня интеллигентности современных вузовских преподавателей, основанных на индивидуальной сумме набранных баллов. Результаты проведенной работы представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Эмпирическая типология преподавателей современного медицинского вуза по уровню интеллигентности

Категория преподавателей	Уровень интеллигентности (%)		
	Высокий	Средний	Низкий
Младшие курсы («теоретики»)	11,6	41,1	47,3
Старшие курсы («клиницисты»)	26,5	38,2	35,3
Средние показатели	19,1	39,7	41,3

Для непредвзятого восприятия и оценки читателем представленного в таблице материала необходимо пояснить, что в нашей интерпретации каждый из выделенных уровней интеллигентности включает два взаимосвязанных аспекта – содержательный и формализованный (цифровой, а в данном случае – балльный). Именно последний аспект и представлен в таблице в процентном выражении.

Содержательный аспект каждого уровня интеллигентности основан на следующих, в определённой степени условных критериях:

1) высокий уровень – лица, соответствующие традиционным классическим представлениям об интеллигентности, свойственным и такой элитной социальной группе, как преподаватели университетов;

2) средний уровень – лица, не имевшие или частично утратившие классические критерии интеллигентности под влиянием социальных, экономических, семейных и других превратностей судьбы, но, в принципе, достойные статуса преподавателя высшей школы;

3) низкий уровень – лица, по разным причинам случайно оказавшиеся в системе высшего образования, образ мышления, манера общения, культура речи и круг интересов которых, фактически, соответствует уровню рядового обывателя не в худшем смысле этого слова. В цифровом (балльном) эквиваленте названные уровни выглядят следующим образом: высокий – диапазон от 40 до 53-х баллов (макс.), средний – 30 - 39 баллов и низкий – менее 30 баллов.

В категорию преподавателей с высоким уровнем интеллигентности (19,1%) отнесены лица, объективно, т. е. достаточно критично оценивающие реальное положение дел в сфере современного высшего образования, много читающие, воспитанные на классической литературе и музыке и по сей день сохранившие к ним привязанность, часто или, по крайней мере, регулярно посещающие театры и концертные залы, достаточно серьёзно относящиеся к изобразительному искусству, чуждые оккультизму и экстравагантностям современного шоу-бизнеса и поп-арта. Отношение к вере само по себе вряд ли может служить критерием интеллигентности, но анонимная самооценка в этом вопросе может косвенно характеризовать человека как личность. Фактически, типология людей этого уровня интеллигентности трудностей не представляла, как в содержательном, так и в цифровом выражении. Единственным смущающим обстоятельством была возможность умышленно обозначить наиболее выигрышные позиции анкеты некоторыми преподавателями, заподозрившими заложенный в ней истинный контекст.

Содержательная характеристика персоналий среднего уровня интеллигентности (39,7%) представила значительно больше трудностей в сравнении с предыдущей категорией преподавателей. Главной типологической

проблемой в этой группе стало чрезвычайно противоречивое сочетание суждений, увлечений и привязанностей. В качестве примера противоречивости суждений можно привести оценку эволютивной направленности современного вузовского НПС вариантом ответа «прогресс» с одновременным согласием с известным высказыванием проф. В.С. Сенашенко [12] о падении престижа профессии «преподаватель высшей школы» (19,7%) и, наоборот, несогласие с этим высказыванием в сочетании с характеристикой эволютивной тенденции вариантами ответа «стагнация» и даже «регресс» (3,1%). Увлечение детективным жанром литературы или современной эстрадной музыкой само по себе, безусловно, не предосудительно, но, если эти увлечения сочетаются у одного человека, который из всего многообразия вариантов ответа охотнее всего посвящает свой досуг «занятиям спортом в доступной форме», декларирует полное равнодушие к изобразительному искусству, у которого «как-то всё не получается» с посещением театров и концертных залов, но присутствует живой интерес к совершенно одиозному телевизионному астрологическому прогнозу, весьма некстати сочетающийся с глубокой религиозностью, это достаточно недвусмысленно свидетельствует об уровне его интеллекта, культуры, а, следовательно, и интеллигентности.

Как выяснилось, в самую многочисленную группу преподавателей с низким уровнем интеллигентности (41,2%) отнесены лица, набравшие по типологическому цифровому рейтингу менее 30 баллов. Их содержательная характеристика была ещё более затруднительной, чем в группе среднего уровня, по причинам, аналогичным приведенным выше, но в ещё более выраженной форме, нередко сочетающейся с неадекватной манерой ответа на простые вопросы. При анализе приведенных в таблице цифровых данных обращает на себя внимание значительная разница между процентными показателями для преподавателей младших и старших курсов. Среди «клиницистов» число преподавателей с высоким уровнем интеллигентности более чем вдвое превышает таковое среди «теоретиков», соответственно, с меньшим их числом в рубрике с низким уровнем. Единственным логичным объяснением этому обстоятельству может служить тот факт, что значительная часть работающих ныне более молодых преподавателей теоретических кафедр, чьё детство и период взросления пришлось на лихие перестроечные годы, не получили должного воспитания и образования, свойственных прежним, ещё советским высоким стандартам, достоинств которых, если отбросить их чисто идеологическую сторону, в настоящее время уже никто не отрицает. Кроме того, парадоксальную и, на наш взгляд, пагубную в этом отношении роль играет тотальная компьютеризация, включающая и приобретшее характер пандемии использование современных гаджетов. Все прекрасно понимают фантастические возможности интернета для самообразования, но системное их использование свойственно лишь немногим, да и то, чаще всего, с узко прагматичными целями. Самообразование и воспитание детей, подростков и юношества замкнулось на примитивном SMS-общении и, бесспорно, захватывающих, но по смысловому наполнению порой абсолютно дебильных играх. Довершающий финальный аккорд в этом вопросе ставят наводнившие экраны кинотеатров и телевизоров голливудские блокбастеры, уводящие в иллюзорный виртуальный мир хрупкую детскую и юношескую психику. Несложно допустить, что на этой «ниве» когда-то вырастут вполне «эффективные менеджеры» и «инновационные технократы», но подготовка вузовских преподавателей даже среднего, по нашей типологии, уровня интеллигентности представляется весьма сомнительной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Предлагая вниманию читателя разработанную нами эмпирическую типологию современного поколения университетского научно-преподавательского сообщества,

мы полностью отдаём себе отчёт в значительной степени условности сформулированных уровней интеллигентности преподавателей. При всей аутентичности результатов их анонимной самооценки, мы вполне допускаем вероятность не совсем искренних ответов по некоторым социокультурным позициям предложенных им анкет. Далеко не каждому человеку свойствен личностный эксгибиционизм даже в условиях абсолютной анонимности. Тем не менее, даже в слегка приукрашенном виде, полученные результаты анкетирования и сделанные на их основе обобщения вполне рельефно обозначают реально существующую социальную кадровую проблему в университетском образовательном пространстве, безусловно, сказывающуюся на уровне подготовки будущих дипломированных специалистов. Убедительной иллюстрацией к сказанному могут служить недавно опубликованные нами результаты анонимного анкетирования 400 студентов КГМУ, в соответствии с которыми 5% респондентов считают преподавателей, с которыми они общались в процессе учёбы, людьми «посредственными в профессиональном и личностном отношении», а 11% утверждают, что «некоторым из них не место в высшем учебном заведении» [13]. Как говорится, «комментарии излишни»!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Alan P. Pollard. *The Russian Intelligentsia: The Mind of Russia*. California Slavic Studies. Vol. III. University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1964. 32 p.
2. Пучков А.А. Идеальный образ преподавателя: социологический опрос // *Высшее образование в России*. 2012. № 6. С. 130 – 133.
3. Дульзон А.А., Васильева О.Н. Система самооценки и оценки компетенций научно-педагогических кадров // *Высшее образование в России*. 2014. № 5. С. 61 – 70.
4. Полупан К.Л. Реконструкция деятельности преподавателя высшей школы // *Высшее образование в России*. 2017. № 2 (209). С. 45 – 51.
5. Атлас новых профессий. URL: <http://atlas100.ru>.
6. Гаязов А.С. Феномен образованности, или на пути от человека типа «Уме недозрелый, плод недолгой науки» к человеку типа *Vir eruditus* // *Высшее образование сегодня*. 2018. № 4. С. 11 – 13.
7. Крыштановская О.В. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров, 2005. 384 с.
8. Бельский В.Х. Ещё раз об интеллигенции // *Социологические исследования*. 2004. № 4. С. 94 – 102.
9. Орлов Б.С. Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // *Социологические исследования*. 2001. № 11. С. 51 – 58.
10. Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции: иллюзии и реальность («Круглый стол») // *Социологические исследования*. 2001. № 11. С. 67 – 68.
11. Рыбкина Р.В. *Драма перемен*. 2-е изд. М.: Дело, 2001. 472 с.
12. Сенашенко В.С. О престиже профессии «преподаватель высшей школы», учёных степеней и званий // *Высшее образование в России*. 2017. № 2. С. 36 – 44.
13. Зубарев В.Ф., Бондарев Г.А. Образовательное «ззеркалье», или «они» и «мы» // *Высшее образование в России*. 2018. № 11. С. 35 – 43.

Статья поступила в редакцию 02.06.2020

Статья принята к публикации 27.02.2021